

УДК 341.9

«МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ» И ПРОБЕЛЫ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИНОСТРАННЫМИ ЮРИСДИКЦИЯМИ

© 2025 г. Ю. Э. Монастырский^{1, 2}

¹Севастопольский государственный университет

²Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

E-mail: monastyrsky@mzs.ru

Поступила в редакцию 24.01.2024 г.

Аннотация. В статье раскрываются эволюция и значение принципа «международная вежливость». Правильно понятая в совокупном применении правовых норм “comitas gentium” — это не учение, дозволяющее действие иностранного права, зависящее от единичного усмотрения судьи, о чем в юридической литературе уже имеются некоторые влиятельные суждения, а прежде всего основа концепции пределов юридического влияния иностранных юрисдикций на национальный правопорядок, непонимание чего приводит даже к законодательным ошибкам. Автором отстаивается позиция, что comitas gentium — принцип международного права, которым государства обязаны руководствоваться, однако не подлежащий прямому применению произволом судей либо арбитров, что без четких нормативных указаний привносило бы хаос в правоприменительную практику.

Ключевые слова: comitas gentium, признание иностранных решений, международный коммерческий арбитраж, гражданский и арбитражный процесс.

Цитирование: Монастырский Ю. Э. «Международная вежливость» и пробелы в российской правовой концепции взаимодействия с иностранными юрисдикциями // Государство и право. 2025. № 3. С. 140–151.

DOI: 10.31857/S1026945225030132

“INTERNATIONAL COURTESY” AND RUSSIAN LEGAL DOGMA ON INTERJURISDICTIONAL COOPERATION WITH ITS SHORTCOMINGS

© 2025 Yu. E. Monastyrsky^{1, 2}

¹Sevastopol State University

²Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E-mail: monastyrsky@mzs.ru

Received 24.01.2024

Abstract. The article is about “international courtesy” principal evolution and significance. “Comitas gentium” is not so much teaching on recognition of foreign laws effect, based on individual discretion of sole judge, some influential publications are in support of that standpoint, rather this is basic concept of margins of foreign law force in national legal order. The contrary allegation leads to legislative faults. The author asserts that comitas gentium is the principal of International Law compulsory for states but not only directly applicable by discretionally power of judge or arbitrators. That may bring chaos for judicial and arbitration practice without explicit statutory indications.

Key words: comitas gentium, recognition of foreign awards, international commercial arbitration, civil and arbitral proceedings.

For citation: Monastyrsky, Yu. E. (2025). “International courtesy” and Russian legal dogma on interjurisdictional cooperation with its shortcomings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 140–151.

Comitas gentium, общее значение

Международная вежливость по-разному трактуется правоведами¹. Одни считают, что названная категория не имеет никакой юридической сути². С их точки зрения, данный постулат вне самообязывания побуждает государство сближаться с иностранными правовыми системами, соотноситься с разнообразными их проявлениями, в том числе судебными актами, которые признаются и принудительно исполняются³. Другие ученые полагают, что *comitas gentium* — общепризнанный международный правовой принцип или юридический обычай⁴, способный к непосредственному применению по усмотрению судьи.

¹ См.: Гетьман-Павлова И. В. Понятие «вежливость» в коллизионной доктрине Ульрика Губера // Право. Журнал ВШЭ. 2013. № 1. С. 38, 39 («Ученые и судьи характеризуют международную вежливость как принцип выбора права, синоним международного частного права, норму международного публичного права, моральную обязанность, целесообразность, взаимность, полезность. Представители государства не имеют единой точки зрения, является ли международная вежливость естественно-правовой нормой, традицией, договорным обязательством или нормой внутригосударственного права»); см. также: Paul J. R. The Transformation of International Comity // Law and Contemporary Problems. 2008. Vol. 71. No. 3. Pp. 19, 20; Paul J. R. Comity in International Law // Harvard International Law Journal. 1991. Vol. 32. No. 1. Pp. 3, 4.

² См.: Рубанов А. А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М., 1984. С. 142–150; Vischer Fr. General Course on Private International Law // Recueil des Cours: Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 232. 1992-I. P. 26.

³ См.: Марышева Н. И. Вопросы признания и исполнения в России решений иностранных судов // Журнал рос. права. 2006. № 8. С. 9–22; Муранов А. И. Международный договор и взаимность как основания приведения в исполнение в России иностранных судебных решений. М., 2003; Муранов А. И., Давыденко Д. Л. Вопросы признания и(или) приведения в исполнение иностранных решений в России // Корпоративный юрист. 2007. № 3. С. 42–46.

⁴ См.: Нешатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 124–140; Елисеев Н. Г. Принцип международной вежливости как предпосылка приведения в исполнение иностранных судебных решений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 7. С. 73–78.

В частности, международная вежливость лежит в основе любого признания, например, имущественных титулов, гражданских прав, возникших, изменившихся или прекратившихся по прямому указанию или под воздействием норм иностранного законодательства. Не сразу, но постепенно с XIX в. она не в последнюю очередь способствовала появлению у государств правовых норм, разрешавших коллизии законов, имеющих различную национальную принадлежность⁵. Стала развиваться такая отрасль, как международное частное право, которое регламентировало обязательное применение чужих норм. В сфере процесса эта вежливость имела результатом признание или приведение в исполнение результатов заграничной судебной деятельности. Наконец, дойдя до своего апогея, данный императив обосновал применение иностранных публичных норм, которые приняты в интересах не собственной власти. При этом *comitas gentium* установил толкование нероссийских правовых положений в определенном ключе. В частности, данный принцип вылился в правила, которые выражены в п. 1 ст. 1191 «Установление содержания норм иностранного права» ГК РФ, заставляющие выяснять, как соответствующие юридические акты применяются в государстве происхождения.

Полагаем важным определиться с содержанием и объемом важнейших правовых категорий. Примером могут служить понятия «основные начала гражданского законодательства» (ст. 1 ГК РФ) и «принципы гражданского права». В цивилистических трудах преподавателей МГУ им. М. В. Ломоносова до сих пор из учебника в учебник кощует утверждение о том, что соответствующие

⁵ См. подр., напр.: Dornis T. W. 5. International Comity: A Doctrine of Self-Restraint // Dornis T. W. Trademark and Unfair Competition Conflicts: Historical-Comparative, Doctrinal, and Economic Perspectives. Cambridge, 2017. Pp. 381–490; Earl Childress III D. Comity as Conflict: Resituating International Comity as Conflict of Laws // UC Davis Law Review. 2010. Vol. 44. Pp. 11–79.

термины — синонимы⁶. На самом деле начала гражданского законодательства — это некие ориентиры, исходя из которых формулируются правовые положения в сложившейся конфигурации норм. Принципы же — это системообразующие базовые идеи, позволяющие упорядочивать не только законотворческий процесс, но и непосредственно правоприменение.

Таким же образом полагаем, что международная вежливость побуждает государство принимать соответствующие нормы, но ее не следует считать ни общепризнанным международно-правовым обычаем (а значит, нормой), который может напрямую применяться судами согласно ст. 15 Конституции РФ, ни таковым принципом. На сей счет встречаются диаметрально противоположные позиции⁷. Считаем, что начало международной вежливости обязательно для суверенов и служит руководством только в законодательной области. Вместе с тем на его основе страны заключают или присоединяются к исполнению международно-правовых актов, предъявляют друг другу требования, прибегают к ограничениям в отношении друг друга. *Comitas gentium* создала динамичную и живую среду юридического общения в области

⁶ См., напр.: Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. 4-е изд., стереотип. М., 2016. С. 74.

⁷ Мы не можем согласиться с позицией К.Л. Брановицкого, который, ссылаясь на проект ВАС РФ «Обобщения практики рассмотрения дел об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений» 2004 г., указывает, что «признание и исполнение [иностранных судебных решений] может осуществляться на основе принципов взаимности и *международной вежливости* как общепризнанных принципов международного права, являющихся составной частью правовой системы РФ в соответствии со ст. 15 Конституции РФ» (курсив наш. — Ю.М.) (см.: *Брановицкий К.Л.* Принцип взаимности в международном гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 8); *Марышева Н.И.* Указ. соч. С. 12 («едва ли можно утверждать, что международная вежливость, как и международная взаимность, — это общепризнанный правовой принцип, определяющий необходимость признания и исполнения иностранных судебных решений. <...> Международная вежливость, не являясь принципом и нормой международного права, не может быть составной частью российской правовой системы согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации»); см. также: *Костин А.А.* Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 170 («*международная вежливость* не может признаваться ни международным обычаем, ни общим принципом права, признанным всеми цивилизованными народами. В международном праве данное понятие используется для обозначения тех обыкновений, которым государства добровольно следуют из соображений этикета, удобства, а также в целях поддержания добрососедских отношений. Из данного обстоятельства (добровольность применения) следует, что *международная вежливость* не обладает императивным характером (т.е. не является международным обычаем)»).

межгосударственных связей. Нормы, выросшие из *comitas gentium*, приобретают более широкий охват⁸. Они обязывают судей, частных субъектов им следовать в русле заданного таким образом толкования. В том смысле, что легко установима цель принимаемого материального и процессуального законодательства. Самый крупный авторитет в области отечественного международного частного права Л.А. Лунц в своем фундаментальном труде писал: «Для голландских юристов XVII века “*comitas*” не создавало какой-либо международно-правовой связанности государств при установлении конкретных коллизионных норм — в этом социально-политический смысл доктрины»⁹, в ее первоначальном содержании. Однако столь фундаментальные концепции неизбежно развиваются, наращивая свое значение и юридический смысл.

Уже в ту эпоху имущественное состояние, сформированное вне территории страны места суда, не могло без ущерба для непрерывного товарного обмена не признаваться¹⁰. А торговля всегда была важнейшей частью хозяйственной жизни. Международная вежливость породила канон, когда обращение к чужим нормам стало не усмотрением, а условием законодателя, который создал свод коллизионных положений, затем посредством международных конвенций либо без них сформулировал регламентацию для признания иностранных решений, а также принудительного их исполнения.

Мы утверждаем, что каждый из формирующихся обычаев действительно порождает нормы¹¹. Они и принципы корректируются либо перестают действовать при замещении их законодательными положениями определенной отрасли права. Поэтому нормативный порядок принудительного осуществления иностранных решений через международный договор никак не может игнорироваться путем придания принципу некой «общепризнанности». Названные понятия — отраслевые, а не общеправовые, за редким исключением (например, догмат «справедливости»). В российском семейном, гражданском, процессуальном, (но не в трудовом) праве

⁸ См.: *Schultz Th., Ridi N.* Comity and International Courts and Tribunals // Cornell International Law Journal. 2017. Vol. 50. No. 3. P. 581 («вежливость не является источником международного права, но она может быть и была основой и оправданием для появления норм международного права»).

⁹ *Лунц Л.А.* Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002. С. 129.

¹⁰ См. подр.: *Allsop J.* Comity and Commerce: Address to the 16th Conference of Chief Justices of Asia & the Pacific (8 November 2015). URL: <http://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/journals/FedJSchol/2015/27.html>

¹¹ См., напр.: *Сорокина Ю.В.* Правовой обычай как источник права // Северо-Кавказский юрид. вестник. 2022. № 1. С. 35–44; *Царегородская Е.В.* Правовой обычай: сущность и механизм действия: дис. ... д-ра юрид. наук. Вильнюс, 2014.

приняты правила, в силу международной вежливости ставшие руководящими для судов и лиц.

История и семантика понятия

Ученые обращаются к сути понятия «международная вежливость» в его современной трактовке, иногда не обращая внимание на то, что этот действующий правовой канон имел другое содержание в Нидерландах XVII в.¹², буржуазной стране с наиболее развитой торговлей, нуждавшейся в определенных и устойчивых правилах игры, понятных в том числе иностранным торговцам. В целом такая правовая база состояла из трех компонентов: обычаев, постепенно складывавшихся естественным образом и систематизировавшихся торговыми судами; межгосударственного согласия о фискальных подходах, способствовании логистике и развитию; и правовых норм, охранявших имущественное состояние и результат юридически значимых действий, которые могли происходить согласно нормам иностранных законов. В этом случае в основе необходимого правового механизма была возможность судов, арбитров применять зарубежные нормы в зависимости от собственного усмотрения.

Тогда судьи пользовались большей свободой в выяснении специфики иностранных законов в отсутствие задачи единообразного толкования и унификации в практике. Нормативные указания, когда следует применять зарубежное правило, а когда свое, на основе демаркационной линии действия собственного и иностранного права были невозможны, в связи с чем теоретики того времени исходили из обыденности и житейских аналогий. Ульрих Губер писал, что приобретенные права частных лиц, возникшие на почве иностранного права, подлежат сохранению, а «суверены государств в своих действиях руководствуются уважением к тому положению, что законы каждого народа, после того как они были применены в пределах его собственной страны, сохраняют свою силу повсюду при условии, что они не наносят ущерб власти или правам другого суверена или его подданных»¹³.

¹² См. подр.: Гетьман-Павлова И. В. Указ. соч.; Dornis T. W. Op. cit. Pp. 398–400; Allsop J. Op. cit. Paras. 23–26; Yntema H. Y. The Comity Doctrine // Michigan Law Review. 1966. Vol. 65. No. 1. Pp. 18–28.

¹³ Цит. по: Шулаков А. А. Принципы голландской коллизионной доктрины и законодательство США и европейских стран по международному частному праву // Lex russica. 2016. № 11. С. 118; ср.: Асосков А. В. Основы коллизионного права [Электронное издание]. М., 2017. С. 82 («Суверены поступают на основе принципа международной вежливости таким образом, чтобы права, приобретенные в пределах власти одного правительства, сохраняли свою силу везде при условии, что они не наносят ущерб полномочиям или правам такого правительства или подвластным ему лицам»).

Принцип *comitas gentium* в своем зачаточном состоянии как необходимость для каждого суда применять зарубежное право критически оценивался видными российскими коллизионистами начала XX в. Так, проф. А. Н. Манделъштам, догматически относясь к изложению голландской теории статутов, писал, что «на пути, ведущем к познанию народами идеи международного общения, [она] является громадным шагом назад», поскольку в голландской школе мы впервые встречаем абсолютный принцип территориальности, смягчаемой лишь во имя международной вежливости¹⁴. По его мнению, «трудно себе представить принцип более произвольный и более непоследовательный, чем эта *comitas*»¹⁵. Именно поэтому А. Н. Манделъштам характеризовал голландскую коллизионную доктрину в целом как «теорию произвола суда»¹⁶.

Как указывает Н. И. Марышева, «Международным Судом ООН еще в 1951 г. отмечалось, что международная вежливость не является нормой права»¹⁷, что, конечно, требует пояснений.

В литературе, в том числе досоветской, имеется много жизнеутверждающих суждений о движении человечества к полной гармонизации его различных гражданско-правовых законов¹⁸. Но шагом к этому явилось бы всемирное международное частное право, когда, в какой бы суд вовлеченных государств ни обратились истцы, их вопросы разрешались бы на основе одних и тех же национальных или зарубежных норм, например, о возмещении вреда по месту его возникновения, о наследовании по праву страны жительства умершего и т. п. До этого и ступенькой ниже было то, что максимально всякий имущественный или личный гражданско-правовой итог, даже возникающий из спорных этико-правовых оснований, не мог, а должен был признаваться во всех цивилизованных государствах. В литературе используется пример об алиментах на базе полигамного брака, когда сам институт *prima facie* несовместим с публичным

¹⁴ См.: Манделъштам А. Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. 1: Кодификация международного частного права. СПб., 1900. С. 118.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 119.

¹⁷ Марышева Н. И. Указ. соч. С. 12.

¹⁸ См., напр.: Камаровский Л. А. Опыт кодификации частного международного права. Конференция в Гааге 1893 г. // Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1894. Кн. 6. С. 6 («Следует ли в самом деле считать мечтою создание в будущем для частного международного права единого кодекса, который был бы принят всеми цивилизованными народами? И иллюзия ли допущение возможности уже теперь такого международного соглашения, в форме ли конвенций или однородных законов, которое успешно разрешало бы на практике коллизии между законодательствами?»).

порядком Российской Федерации, однако его имущественные результаты все-таки признаются и пользуются исковой защитой в России¹⁹.

Термин «международная вежливость» в российском праве синтаксически и семантически отличается от соответствующего выражения в европейских языках, происходящего из латыни, которое можно перевести как «международная любезность» или «любезность народов». Следовательно, *comitas gentium* в других языках имеет дополнительную коннотацию, а именно «участливость», в то время как просто вежливость означает в общем благожелательность и пассивное содействие, непрепятствование. В трудах российских коллизионистов, например М.И. Бруна²⁰, Т.М. Яблочкова, употребляется «любезность». В английском языке принято существительное «courtesy», что переводится скорее как «учтивость», чем как «вежливость». Это пример того, как может меняться правовой смысл терминологии, помещенной в разный контекст. Проанализировав, что может приводить в конечном счете к определенным законодательным решениям на основе множества ситуаций, мы приходим к выводу, что вежливость все-таки ведет к более сдержанному отношению к проявлениям нероссийских правовых систем, чем мотивация быть любезным, т.е. придать более широкое действие иностранному правовому регулированию.

Ступенчатое воздействие *comitas gentium*

Важность правил, указанных У. Губером, заключается в том, что они способствуют продвижению к цели единых для всех стран принципов международного частного права, базирующихся на всеобщих, признаваемых всеми государствами основаниях и суверенитете. Как упоминалось первоначально, принцип *comitas* выражался

в односторонней уступке иностранному правителю, который обладал широким спектром правоприменительной власти, охранял правоспособность и дееспособность лиц. За ними в первую очередь признавались имущественные приобретения и далее — гражданско-правовой статус. Следующим выступает признание иностранных административных актов, вернее, их правовых последствий, поскольку, будучи неисполненными, они принудительно осуществляются правительством, их издавшим, и эта функция не перекладывается на соседа. Таким образом, во всех без исключения странах возобладали логика установления особой процедуры принудительного исполнения именно для иностранных судебных решений, поскольку в указанной ситуации суверены поступают своим могуществом.

Наиболее полным проявлением принципа международной вежливости становится подписание соглашений, посредством которых страны обязываются к сотрудничеству и правовым содействиям. Можно сказать, что он прямо побуждает к заключению этих договоров.

Плодом *comitas gentium* является принятие государствами коллизионных норм; в Российской Федерации это законы в области гражданского и семейного права. В данных сферах иностранное регулирование становится обязательным, и его применение предписывается в зависимости от определенных фактических состояний.

Однако в отличие от других государств российская доктрина не позволяет действие иностранных норм в области трудовых отношений, хотя последние подпадают под действие частного права. В Российской Федерации не принималось коллизионных норм в этой отрасли. Благодаря заключению международных соглашений о правовой помощи со странами, близкими по характеристикам их законодательств и дружественными в политико-правовом отношении, а также аналогичных двусторонних договоров с небольшим количеством государств, таких как Нидерланды, Кипр, Греция и пр., юридическое содействие осуществляется в семейном, уголовном и гражданском, но не в трудовом праве. Вместе с тем имеются и исключения, которые только подтверждают правило. Так, 20 апреля 1999 г. между Российской Федерацией и Монголией было совершено соглашение о правовой помощи, в котором говорится, что стороны трудового договора вольны выбрать право, регулирующее их отношения, а в отсутствие такого решения применяется законодательство места выполнения работы или нахождения работодателя (ст. 26)²¹.

¹⁹ См.: Богуславский М.М. Международное частное право: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 413 («нормы иностранного права, допускающие полигамию, противоречат основным принципам российского семейного права, но это не означает, что полигамные браки, заключенные в стране, где они признаются, не могут порождать юридические последствия, признаваемые в нашей стране; нельзя, в частности, ссылаясь на оговорку о публичном порядке, возражать против признания в России алиментных обязательств членов полигамной семьи»).

²⁰ См.: Брун М.И. Очерки истории конфликтного права. М., 1915. С. 72; Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права // Яблочков Т.М. Труды по международному частному праву. М., 2009. С. 61, 62 («Старая теория, исходя из ложно понимаемой идеи государственного суверенитета, учила, что применение иностранных законов туземным судом имеет место лишь в силу простой взаимной услуги и любезности народов (*comitas gentium*), а потому всякое применение иностранного закона рассматривалось ею как исключение из общего применения отечественных законов») (Т.М. Яблочков говорит также об «услужливости» (см.: там же. С. 62)).

²¹ См.: Договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (Улан-Батор, 20 апреля 1999 г.) (с изм.

Таким образом, принцип международной вежливости в каждом государстве создает определенную степень допуска иностранных правовых систем в собственный правовой порядок через международные договоры, коллизионные нормы и судебное содействие, а также контроль над другими правоприменителями (арбитраж, нотариат и пр.), регулируемые внутренними процессуальными правилами.

Итак, начало международной вежливости проходит в своей реализации следующие шаги: 1) признание имущественных состояний и любой их динамики; 2) допущение действия иностранного права; 3) регламентация его обязательного применения; 4) принятие правовых результатов деятельности зарубежной власти и правоприменителей; 5) принудительное исполнение ее велений и иностранных третейских актов.

Усиление значения *comitas gentium* должно было сопровождаться и фильтром, и мерами правового контроля, и процедурами в запрашиваемом государстве. Без этого, во-первых, рассматриваемая обязанность ставила бы в подчиненное положение страну места исполнения, ее суды. Во-вторых, с другой стороны, она позволяла бы им при решении вопросов правового принуждения пользоваться слишком широким, притом в основном неправовым, усмотрением, ограниченным лишь соображениями о публичном порядке. В-третьих, международная вежливость стимулировала бы иностранных истцов обращаться к собственной юрисдикции, а не заявлять свои требования в соответствии с признанной территориальной привязкой по месту нахождения ответчика. В-четвертых, если в исполняемых иностранных судебных актах воплощалось бы существенное отличие

от сложившихся правовых подходов, и оно переходило бы в правовое пространство Российской Федерации в виде *res judicata* в обязательной правовой интерпретации, это приводило бы к деформации национальной судебной практики, стремящейся к унификации. В-пятых, особенно ослаблялась бы защита собственных граждан и организаций, если бы принимались дискриминационные по отношению к ним акты, и они имели бы неограниченный принудительный эффект.

Возможности вне международного договора обязывать российский государственный аппарат к определенным действиям вряд ли будет приемлемым. Россия подписала свыше 60 соглашений о правовой помощи, в некоторых из которых предусмотрены сношения с госорганами по вопросам семейного, торгового, гражданского и уголовного права. Необходимо напомнить читателям, что исполнение судебных решений — это один из подвидов сношения учреждений по поводу экстерриториального осуществления властных функций. И такая процедура должна регулироваться международным договором, где прямо об этом сказано, а не выводиться посредством толкования из актов о сотрудничестве и гарантиях, о чем некоторые пишут²². Иная модель взаимодействия государственных органов между собой породит хаос. Подписание договоров о правовой помощи осуществляется на базе сложившихся международных отношений и стойкого правового доверия, уровень которого различен от государства страны к государству.

Эффект *comitas gentium* в области международного частного права, гражданского и арбитражного процесса

Непонимание и неполное представление о принципе международной вежливости в диалектическом его развитии привели к отсутствию системности в вопросах признания иностранных судебных и арбитражных решений и применения зарубежного права, несмотря на то что в Российской Федерации действует коллизионное законодательство и есть многолетняя устойчивая практика рассмотрения ходатайств о выдаче исполнительных листов с целью принудительной имплементации правоприменительных актов, вынесенных за рубежом. Как мы уже говорили, в изложении многих российских коллизионистов и ученых, занимающихся международным правом, *comitas gentium* естественным образом возникает скорее как ориентир для упорядочения международной экономической жизни, как институт, позволяющий

от 12.09.2002 г.). URL: https://mongolia.mid.ru/rossijsko-mongol-skie-soglasenia-po-konsul-skim-voprosam/-/asset_publisher/COXiPlusF5f0/content/dogovor-mezdu-rossijskoj-federaciej-i-mongoliej-o-pravovoj-pomosi-i-pravovyh-otnoseniah-po-grazdanskim-i-ugolovnym-del-1. Пару раз такой вопрос ставился в приемлемых по уровню журналах: Дзарасов М.Э. Правовое регулирование труда работников-иностранцев // Lex russica. 2014. № 8. С. 940–946; Лушников М.В. Коллизионное правовое регулирование международных трудовых отношений: теоретические проблемы и современная практика // Закон. 2011. № 10. С. 68, 69. «Следовательно, на сегодняшний день только трудовые отношения работников дипломатических представительств и консульских учреждений РФ, а также членов экипажей торгового мореплавания в одностороннем порядке подверглись специальной коллизионно-правовой регламентации. Речь идет о специальных коллизионных нормативных предписаниях...»; также есть несколько других источников применения коллизионных норм к трудовым отношениям с участием иностранных лиц: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о принципах направления и приема вьетнамских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях Российской Федерации от 29.09.1992 г.; Соглашение «О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов» от 15.04.1994 г.

²² См., напр.: Кайсин Д.В. Доктрина международной вежливости и приведение в исполнение иностранных судебных решений в России // Закон. 2014. № 6. С. 153, 155.

экстерриториальное регулирование имущественного оборота и осуществление правосудия не только на своей земле.

При обращении иностранцев в суд или к чужой власти с ходатайством об оказании правового содействия никакая страна уже при серьезном развитии права в XIX в. не отказывала в юридической поддержке любого свойства: уголовной, гражданской, административной, — только по той причине, что соответствующие дела были преимущественно связаны с другими державами. Всеобщность и универсальность правовой системы как раз и заключается в первую очередь в принципе невозможности отказа в правосудии. Требования, подлежащие национальной юрисдикции всегда были минимальны. Более свободны в этом государства общего права (*“Forum non-conveniens”* и пр.)

Радикальной уступкой государственного суверенитета явились конвенции об арбитраже — жевские²³ и Нью-Йоркская²⁴, когда за судами остался лишь последующий контроль за исполнением иностранных третейских решений, — поскольку они способны дублировать собственное правоприменение внутри государства, — по незначительному перечню оснований, по инициативе лиц, желающих реализовать эти правоприменительные акты на различных территориях с привлечением судейского аппарата.

Взаимность как принцип гражданского процесса сильно отличается от классического ее понимания как института коллизионного права, когда она выступает не в качестве правила альтернативной возможности допустить у себя действие иностранной правовой системы, а в виде изъятия из положения об обязательности применения зарубежных правовых норм в силу преимущественной императивности правил международного частного права. Данный институт в международном частном праве, по сути, есть ответ на отказ от международной вежливости в вопросе применения национального права иностранными судами, что выражено в ст. 1189 ГК РФ, где установлено, что возможность применения иностранных норм на началах взаимности должна дополнительно предусматриваться законом (п. 1).

Взаимность в судебном процессе — это нечто иное, а именно не исключение из правила, когда имеются юридические предписания о руководстве иностранным законом при определении, например, дееспособности иностранного гражданина

или срока вступления в наследство, а одно из значимых оснований отказа в исполнении иностранного акта по соображениям недружественности чужой судебной власти.

Вместе с тем с точки зрения международной вежливости, направленной на наиболее гармоничное устройство правового соседства между государствами, следует различать действия чужой власти и дублирующие возможное, но не произошедшее национальное правоприменение решения иностранных судов как их разновидность. Режим признания тех или иных актов не может не различаться уже потому, что иностранная судебная и третейская деятельность по российскому регулированию создает *res judicata* и имеет эффект *lis alibi pendens*²⁵, т.е. напрямую влияет на процессуальные права участников судебных и третейских дел в Российской Федерации. Поэтому ситуация, когда зарубежные судебные акты могут не признаваться только по узкому перечню оснований и публично-му порядку, создает своего рода брешь во взаимоотношениях национальных судебных систем. Простейшие нероссийские решения об отказе в иске, ввиду загранично установленной недействительности договора и т.д., не связанные с принудительностью, затрагиванием основ правопорядка, но касающиеся защиты имущественных и личных прав внутри государства, представляют опасность для авторитета судебной власти, вынужденной считаться с явлениями, вторгающимися в национальную правоприменительную практику.

Существуют, как это следует из сравнительно-правовой литературы, устоявшиеся подходы к иностранным юридическим феноменам, которые просто в силу глубинного смысла *comitas gentium* не могут быть безоговорочно обязательными для нижестоящих судов²⁶. В государствах англосаксонской модели правопорядка чужие нормы рассматриваются как доказываемые фактические обстоятельства, а не как основы юридических действий (решений, выводов)²⁷. А тем более результатам иностранного правоприменения надо

²⁵ См.: Луц Л.А. *Lis alibi pendens* в аспекте международного гражданского процесса // Советский ежегодник международного права, 1963. М., 1965. С. 475—477.

²⁶ См., напр.: Елисеев Н.Г. Перспективы взаимного признания и исполнения судебных решений в отношениях между Россией и Германией // Закон. 2016. № 12. С. 178—191; Литвинский Д.В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам (сравнительно-правовой анализ французского законодательства, судебной практики и юридической доктрины). СПб., 2005; Его же. Вопросы признания и исполнения решений судов иностранных государств: на основе анализа права Франции и России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.

²⁷ См. подр.: Попов В.В. Вопросы доказывания взаимности по делам о признании и исполнении иностранных судебных решений // Вопросы рос. юстиции. 2021. № 16. С. 280—289.

²³ См.: Конвенция об исполнении иностранных арбитражных решений (Женева, 26.09.1927 г.); Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21.04.1961 г.).

²⁴ См.: Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10.06.1958 г.).

сообщить свойство фактического обстоятельства. В систему процессуальных положений нужно внести следующие корректировки: без ущерба для иностранного судебного процесса между теми же сторонами и принципа *res judicata* или *lis alibi pendens* нероссийские судебные решения в отсутствие международного договора об их признании приравниваются к зарубежным административным актам, т.е. могут учитываться или — по усмотрению суда и в зависимости от хода дела в Российской Федерации — игнорироваться. Сегодня вопрос регулируется диаметрально противоположно в АПК РФ и ГПК РФ (ст. 413, 414), по которому инициируется непризнание по узкому перечню; и неудовлетворительно.

В решениях, когда в отсутствие международного договора суды соглашались на принудительное исполнение иностранных актов, руководствуясь одновременно принципами и международной вежливости, и взаимности²⁸, проявлялась неосведомленность правоприменителя в вопросе происхождения и правового значения этих двух императивов, которые не могут применяться одновременно, ибо противоположным образом регулируют реализацию зарубежных вердиктов. Она соответственно основана в первом случае на дискреции, а во втором — на нормативном условии, установление которого — прерогатива законодателя, а не судов. Между тем утверждается, что названные принципы сосуществуют и взаимодействуют²⁹. В науке не только полезно проследить взаимосвязь начал, но и обозначить ее условия. Международная вежливость обязательна только для законодателей или суверенов. Она же и порождает нормативную взаимность либо исключает ее.

Таким образом, *comitas gentium* действует лишь в международном праве и является обязательным только для законодателей и государств. При этом упоминалось, что он лег в основу императива, выраженного в п. 1 ст. 1191 ГК РФ, о том, что правоприменение на основе иностранных норм должно соответствовать подлинному практическому и теоретическому их смыслу в данный момент, как он дается в доктринальном толковании. По нашему

мнению, соответствующее положение обязательно для судей и арбитров не только в Российской Федерации в силу п. 2 ст. 1192 ГК РФ как императивная норма в международном частном праве. Кроме того, оно есть прямое указание российским судам, принудительно исполняющим иностранные решения.

Следовательно зарубежные арбитражные трибуналы не могут применять российское право при отклонении от судебной практики в нашем государстве, вместе с тем отечественные третейские составы такого ограничения иметь не должны. Хотелось бы напомнить, что раньше в изначальной редакции АПК РФ от 2002 г. существовала норма ч. 5 ст. 233, где предусматривалась процедура отмены, а не отказа в выдаче исполнительного листа помимо российского иностранного третейского акта на основе принятия его с использованием национальных норм. Она проистекала из принципа единства правового регулирования и его интегральной неприкосновенности, цели устранения возможности для манипулятивного использования российских законов путем искусственного придания им неправового смысла.

Необходимо далее затронуть вопрос о последствиях применения арбитражем иностранного права не в соответствии с практикой и доктриной в государстве места его происхождения. Разумеется, искажение используемых норм права, приводящее к результатам, несовместимым с правовой системой, требованиями морали и т.д., должно быть отвергнуто в стране — месте исполнения данного третейского решения, если это приведет к нарушению публичного порядка. Однако не только указанный пункт из закрытого перечня оснований может быть задействован. Существует требование о том, что ход третейского разбирательства должен соответствовать договоренности сторон (п/п. 1 п. 1 абз. 6 ст. 36 Закона «О международном коммерческом арбитраже»). К его процедуре относится и процесс применения иностранного права, опирающийся на прояснение его содержания. Выбранное зарубежное регулирование, примененное не в соответствии с тем, в каком виде оно существует и воспринимается национальными судами, есть нарушение соглашения сторон третейского договора о процедуре, поэтому и данный пункт из узкого списка причин для непризнания иностранного арбитражного решения и невыдачи исполнительного листа о его принудительном осуществлении также может быть задействован³⁰, тем более что подобная норма «активируется» лишь

²⁸ См.: Нешатаева Т.Н. Указ. соч.

²⁹ См., напр.: Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учеб. для магистров. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 50 («Понятие международной вежливости связано с понятием взаимности, но это не тождественные категории. Взаимность представляет собой норму международно-правового обычая и одновременно — норму национального закона. Принцип международной вежливости — это международно-правовое обыкновение, не являющееся правовой нормой. Международную вежливость можно определить как взаимность, не закрепленную в договоре или законе»); см. также: Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Понимание категорий взаимности и международной вежливости в российской судебной практике // Междунар. правосудие. 2023. № 1(45). С. 94—119.

³⁰ См., напр.: Hill J. Do Arbitral Errors on the Law Governing the Merits of a Dispute Referred to Arbitration Justify Setting Aside or Non-enforcement of the Award? (8 January 2018). URL: <https://legalresearch.blogs.bris.ac.uk/2018/01/do-arbitral-errors-on-the-law-governing-the-merits-of-a-dispute-referred-to-arbitration-justify-setting-aside-or-non-enforcement-of-the-award/>

при инициативе стороны третейской процедуры. При этом она сама должна объяснить и показать, что, выбрав соответствующее право как применимое к отношениям по сделке, она имела в виду то его действие и те результаты, которые ожидаются, и что явное отклонение от практики применения и доктрины действительно нарушает соглашение относительно арбитража.

Вопрос обычного признания в государственной арбитражной практике. Заключение

На примере доктрины *comitas gentium* можно убедиться в важности разработки, исследования и уяснения фундаментальных правовых категорий. Консенсус относительно смыслового содержания последних — основа метода правового регулирования, определенности, достижимости цели единообразия толкования норм.

При этом оказывается, что чем более эволюционирует *ratio* понятия, тем явнее его зависимость от смены экономического уклада, усложнения международного экономического оборота, межгосударственных отношений.

Являясь первоначально как обоснование существования иностранной правовой реальности и ее проявлений с XVII в., *comitas gentium* с середины XIX в. создает регламентацию пределов действия иностранных законов, их обязательного применения национальными судами, посредством разработки и внедрения в «цивилизованных» государствах системы коллизионных норм. Наконец, переходя в область международного гражданского процесса, выступает как координатор межнационального судебного и третейского взаимодействия, при этом, начиная в качестве судебного обычая, международная вежливость поднялась до международно-правового принципа и не более, несмотря на многие мнения некоторых уважаемых правоведов о том, что это де-общепризнанный, готовый к правоприменению канон и норма материального и процессуального права. *Comitas gentium* действует в следующих областях: гражданское право, включая международное частное право, семейное право, гражданский и арбитражный процесс, международный коммерческий арбитраж, стимулируя здесь нормотворчество и поддержку трансграничных споров, а также она устанавливает необходимость оперативных мер межгосударственного сотрудничества в уголовном праве, обходясь без применения репрессивных иностранных правил.

Следствием принципа является принятие норм о приостановлении производства по делу, его прекращении и прочая регламентация в зависимости

от деятельности иностранных судов, государственных, третейских.

При этом взаимность в правовой необходимости принудительного исполнения иностранных судебных решений не может существовать без прямо принятой национальным законодателем нормы. Неюридическое понимание международной вежливости привело к законодательным провалам. В частности, к принятию ст. 245¹ АПК РФ. Здесь сказано, что признание не требующих исполнения и судебных, и третейских иностранных решений возможно только по международному договору и закону.

Без оговорок такие условия признания государств и их правовых систем не соответствуют порожденной вежливостью целой системе норм и принципов как международно-правовых, так и национальных.

К настоящему моменту судебная практика, в первую очередь Верховного и кассационных судов, единообразна, она заключается в безоговорочном непризнании иностранных судебных актов, не требующих принудительного исполнения, если не существует международных конвенций о правовой помощи, где регулируется вопрос признания, в частности, Соглашения стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности». При этом если документ ратифицирован, то это понимается как соответствие такому условию признания, как наличие об этом закона³¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асосков А. В. Основы коллизионного права [Электронное издание]. М., 2017. С. 82.
2. Богуславский М. М. Международное частное право: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 413.
3. Брановицкий К. Л. Принцип взаимности в международном гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 8.
4. Брун М. И. Очерки истории конфликтного права. М., 1915. С. 72.
5. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учеб. для магистров. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 50.
6. Гетьман-Павлова И. В. Понятие «вежливость» в коллизионной доктрине Ульрика Губера // Право. Журнал ВШЭ. 2013. № 1. С. 38, 39.
7. Дзарасов М. Э. Правовое регулирование труда работников-иностранцев // Lex russica. 2014. № 8. С. 940–946.

³¹ См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 19.07.2018 № 307-ЭС18-9386 и др.; Постановление АС МО от 08.11.2018 № А-40-185979/17 и др.

8. *Елисеев Н.Г.* Перспективы взаимного признания и исполнения судебных решений в отношениях между Россией и Германией // Закон. 2016. № 12. С. 178–191.
9. *Елисеев Н.Г.* Принцип международной вежливости как предпосылка приведения в исполнение иностранных судебных решений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 7. С. 73–78.
10. *Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С.* Понимание категорий взаимности и международной вежливости в российской судебной практике // Междунар. правосудие. 2023. № 1(45). С. 94–119.
11. *Кайсин Д.В.* Доктрина международной вежливости и приведение в исполнение иностранных судебных решений в России // Закон. 2014. № 6. С. 153, 155.
12. *Камаровский Л.А.* Опыт кодификации частного международного права. Конференция в Гааге 1893 г. // Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1894. Кн. 6. С. 6.
13. *Костин А.А.* Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 170.
14. *Литвинский Д.В.* Вопросы признания и исполнения решений судов иностранных государств: на основе анализа права Франции и России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
15. *Литвинский Д.В.* Признание иностранных судебных решений по гражданским делам (сравнительно-правовой анализ французского законодательства, судебной практики и юридической доктрины). СПб., 2005.
16. *Луниц Л.А.* Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002. С. 129.
17. *Луниц Л.А.* *Lis alibi pendens* в аспекте международного гражданского процесса // Советский ежегодник международного права, 1963. М., 1965. С. 475–477.
18. *Лушникова М.В.* Коллизионное правовое регулирование международных трудовых отношений: теоретические проблемы и современная практика // Закон. 2011. № 10. С. 68, 69.
19. *Мандельштам А.Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. 1: Кодификация международного частного права. СПб., 1900. С. 118, 119.
20. *Марышева Н.И.* Вопросы признания и исполнения в России решений иностранных судов // Журнал рос. права. 2006. № 8. С. 9–22.
21. *Муранов А.И.* Международный договор и взаимность как основания приведения в исполнение в России иностранных судебных решений. М., 2003.
22. *Муранов А.И., Давыденко Д.Л.* Вопросы признания и(или) приведения в исполнение иностранных решений в России // Корпоративный юрист. 2007. № 3. С. 42–46.
23. *Нешатаева Т.Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 124–140.
24. *Попов В.В.* Вопросы доказывания взаимности по делам о признании и исполнении иностранных судебных решений // Вопросы рос. юстиции. 2021. № 16. С. 280–289.
25. Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. 4-е изд., стереотип. М., 2016. С. 74.
26. *Рубанов А.А.* Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М., 1984. С. 142–150.
27. *Сорокина Ю.В.* Правовой обычай как источник права // Северо-Кавказский юрид. вестник. 2022. № 1. С. 35–44.
28. *Царегородская Е.В.* Правовой обычай: сущность и механизм действия: дис. ... д-ра юрид. наук. Вильнюс, 2014.
29. *Шулаков А.А.* Принципы голландской коллизионной доктрины и законодательство США и европейских стран по международному частному праву // Lex russica. 2016. № 11. С. 118.
30. *Яблочков Т.М.* Курс международного гражданского процессуального права // Яблочков Т.М. Труды по международному частному праву. М., 2009. С. 61, 62.
31. *Allsop J.* Comity and Commerce: Address to the 16th Conference of Chief Justices of Asia & the Pacific (8 November 2015). Paras. 23–26. URL: <http://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/journals/FedJSchol/2015/27.html>
32. *Dornis T.W.* 5. International Comity: A Doctrine of Self-Restraint // Dornis T.W. Trademark and Unfair Competition Conflicts: Historical-Comparative, Doctrinal, and Economic Perspectives. Cambridge, 2017. Pp. 381–490.
33. *Earl Childress III D.* Comity as Conflict: Resituating International Comity as Conflict of Laws // UC Davis Law Review. 2010. Vol. 44. Pp. 11–79.
34. *Hill J.* Do Arbitral Errors on the Law Governing the Merits of a Dispute Referred to Arbitration Justify Setting Aside or Non-enforcement of the Award? (8 January 2018). URL: <https://legalresearch.blogs.bris.ac.uk/2018/01/do-arbitral-errors-on-the-law-governing-the-merits-of-a-dispute-referred-to-arbitration-justify-setting-aside-or-non-enforcement-of-the-award/>
35. *Paul J.R.* Comity in International Law // Harvard International Law Journal. 1991. Vol. 32. No. 1. Pp. 3, 4.
36. *Paul J.R.* The Transformation of International Comity // Law and Contemporary Problems. 2008. Vol. 71. No. 3. Pp. 19, 20.
37. *Schultz Th., Ridi N.* Comity and International Courts and Tribunals // Cornell International Law Journal. 2017. Vol. 50. No. 3. P. 581.
38. *Vischer Fr.* General Course on Private International Law // Recueil des Cours: Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 232. 1992-I. P. 26.
39. *Yntema H.Y.* The Comity Doctrine // Michigan Law Review. 1966. Vol. 65. No. 1. Pp. 18–28.

REFERENCES

1. *Asoskov A.V.* Fundamentals of conflict of laws [Electronic edition]. М., 2017. P. 82 (in Russ.).
2. *Boguslavsky M.M.* International Private Law: textbook. 5th ed., rev. and add. М., 2004. P. 413 (in Russ.).

3. *Branovitsky K.L.* The principle of reciprocity in International Civil Procedure // Arbitration and Civil Procedure. 2005. No. 8 (in Russ.).
4. *Brun M.I.* Essays on the history of Conflict Law. M., 1915. P. 72 (in Russ.).
5. *Get'man-Pavlova I.V.* International Private Law: textbook for masters. 4th ed., rev. and add. M., 2015. P. 50 (in Russ.).
6. *Get'man-Pavlova I.V.* The concept of "politeness" in the conflict of laws doctrine of Ulrik Huber // Law. HSE Journal. 2013. No. 1. Pp. 38, 39 (in Russ.).
7. *Dzharasov M.E.* Legal regulation of the labor of foreign workers // Lex russica. 2014. No. 8. Pp. 940–946 (in Russ.).
8. *Eliseev N.G.* Prospects for mutual recognition and enforcement of judicial decisions in relations between Russia and Germany // Law. 2016. No. 12. Pp. 178–191 (in Russ.).
9. *Eliseev N.G.* The principle of international courtesy as a prerequisite for the enforcement of foreign judgments // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2006. No. 7. Pp. 73–78 (in Russ.).
10. *Erpyleva N. Yu., Get'man-Pavlova I.V., Kasatkina A.S.* Understanding the categories of reciprocity and international courtesy in Russian judicial practice // International Justice. 2023. No. 1 (45). Pp. 94–119 (in Russ.).
11. *Kaisin D.V.* The doctrine of international courtesy and the enforcement of foreign judgments in Russia // Law. 2014. No. 6. Pp. 153, 155 (in Russ.).
12. *Kamarovsky L.A.* Experience of codification of International Private Law. Conference in The Hague, 1893 // Journal of the Law Society at the Imperial St. Petersburg University. 1894. Book 6. P. 6 (in Russ.).
13. *Kostin A.A.* The legal grounds for the recognition and enforcement of foreign judgments in the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. M., 2018. P. 170 (in Russ.).
14. *Litvinsky D.V.* Issues of recognition and enforcement of judgments of foreign courts: based on the analysis of the law of France and Russia: dis. ... PhD in Law. SPb., 2003 (in Russ.).
15. *Litvinsky D.V.* Recognition of foreign judicial decisions in civil cases (comparative legal analysis of French legislation, judicial practice and legal doctrine). SPb., 2005 (in Russ.).
16. *Lunts L.A.* Course of International Private Law: in 3 vols. M., 2002. P. 129 (in Russ.).
17. *Lunts L.A.* Lis alibi pendens in the aspect of the International Civil Process // Soviet Yearbook of International Law. 1963. M., 1965. Pp. 475–477 (in Russ.).
18. *Lushnikova M.V.* Conflict of laws regulation of international labor relations: theoretical problems and modern practice // Law. 2011. No. 10. Pp. 68, 69 (in Russ.).
19. *Mandelstam A.N.* The Hague Conferences on the Codification of Private International Law. Vol. 1: Codification of Private International Law. St. Petersburg, 1900. Pp. 118, 119 (in Russ.).
20. *Marysheva N.I.* Issues of recognition and enforcement of foreign court decisions in Russia. rights. 2006. No. 8. Pp. 9–22 (in Russ.).
21. *Muranov A.I.* International treaty and reciprocity as grounds for the enforcement of foreign judgments in Russia. M., 2003 (in Russ.).
22. *Muranov A.I., Davydenko D.L.* Issues of recognition and (or) enforcement of foreign judgments in Russia // Corporate Lawyer. 2007. No. 3. Pp. 42–46 (in Russ.).
23. *Neshataeva T.N.* The Court and generally recognized principles and norms of International Law // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2004. No. 3. Pp. 124–140 (in Russ.).
24. *Popov V.V.* Issues of proving reciprocity in cases of recognition and enforcement of foreign judgments // Issues of Russian Justice. 2021. No. 16. Pp. 280–289 (in Russ.).
25. Russian Civil Law: textbook: in 2 vols. Vol. I: General part. Property law. Inheritance law. Intellectual property rights. Personal non-property rights / ed. by E.A. Sukhanov. 4th ed., stereotype. M., 2016. P. 74 (in Russ.).
26. *Rubanov A.A.* Theoretical foundations of international interaction of national legal systems. M., 1984. Pp. 142–150 (in Russ.).
27. *Sorokina Yu.V.* Legal custom as a source of law // North Caucasian legal the messenger. 2022. No. 1. Pp. 35–44 (in Russ.).
28. *Tsaregorodskaya E.V.* Legal custom: essence and mechanism of action: dis. ... Doctor of Law. Vilnius, 2014 (in Russ.).
29. *Shulakov A.A.* Principles of the Dutch conflict of laws doctrine and the legislation of the USA and European countries on International Private Law // Lex russica. 2016. No. 11. P. 118 (in Russ.).
30. *Yablochkov T.M.* Course of International Civil Procedure Law // Yablochkov T.M. Proceedings on International Private Law. M., 2009. Pp. 61, 62 (in Russ.).
31. *Allsop J.* Comity and Commerce: Address to the 16th Conference of Chief Justices of Asia & the Pacific (8 November 2015). Paras. 23–26. URL: <http://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/journals/FedJSchol/2015/27.html>
32. *Dornis T.W.* 5. International Comity: A Doctrine of Self-Restraint // Dornis T.W. Trademark and Unfair Competition Conflicts: Historical-Comparative, Doctrinal, and Economic Perspectives. Cambridge, 2017. Pp. 381–490.
33. *Earl Childress III D.* Comity as Conflict: Resituating International Comity as Conflict of Laws // UC Davis Law Review. 2010. Vol. 44. Pp. 11–79.
34. *Hill J.* Do Arbitral Errors on the Law Governing the Merits of a Dispute Referred to Arbitration Justify Setting Aside or Non-enforcement of the Award? (8 January 2018). URL: <https://legalresearch.blogs.bris.ac.uk/2018/01/do-arbitral-errors-on-the-law-governing-the-merits-of-a-dispute-referred-to-arbitration-justify-setting-aside-or-non-enforcement-of-the-award/>
35. *Paul J.R.* Comity in International Law // Harvard International Law Journal. 1991. Vol. 32. No. 1. Pp. 3, 4.
36. *Paul J.R.* The Transformation of International Comity // Law and Contemporary Problems. 2008. Vol. 71. No. 3. Pp. 19, 20.
37. *Schultz Th., Ridi N.* Comity and International Courts and Tribunals // Cornell International Law Journal. 2017. Vol. 50. No. 3. P. 581.
38. *Vischer Fr.* General Course on Private International Law // Recueil des Cours: Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 232. 1992-I. P. 26.
39. *Yntema H.Y.* The Comity Doctrine // Michigan Law Review. 1966. Vol. 65. No. 1. Pp. 18–28.

Сведения об авторе

МОНАСТЫРСКИЙ Юрий Эдуардович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета; 299053 г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33; профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0002-6999-8150

Authors' information

MONASTYRSKY Yuriy E. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Sevastopol State University; 33 Universitetskaya str., 299053 Sevastopol, Russia; Professor of the Department of International Private and Civil Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; 76 Vernadskogo Ave., 119454 Moscow, Russia